

МОНУМЕНТ ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ «ДРУЖБА НАВЕКИ»: СЛОВО, ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ В БРОНЗЕ

Ржевская Елена Александровна
Ученый секретарь Научно-организационного
управления по координации программ
фундаментальных научных исследований и
инновационных проектов Российской
академии художеств.
Россия, Москва.

Аннотация

Статья посвящена монументу Зураба Церетели «Дружба навеки», выполненному к 200-летию подписания Георгиевского трактата.

Ключевые слова: Георгиевский трактат, присоединение Грузии к России, монумент «Дружба навеки», скульптор Зураб Церетели, Мир, Труд, Единство, Братство, Дружба, грузинские и русские поэты.

Библиографическое описание для цитирования:

Ржевская Е. А. Монумент Зураба Церетели «Дружба навеки»: слово, запечатленное в бронзе // Искусство Евразии. – 2017. – № 2(5). – С. 82-94. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.007. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/726372/16/>

Монумент «Дружба навеки» Зураба Церетели – в честь 200-летия вхождения Грузии в состав Российской империи – был открыт в 1983 году в Москве на Тишинской площади. Он стал первым скульптурным произведением Церетели, установленным в столице России. Архитектор этого уникального в пластическом решении памятника из бронзы, меди и гранита – поэт и зодчий Андрей Вознесенский.

Скульптурная композиция посвящена многовековой дружбе Грузии и России. Основой этого союза стала православная вера, укрепленная силой Слова (Георгиевский трактат), суть которого – единение двух народов – была подготовлена всей предыдущей историей этих стран:

«Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог...».
(Николай Гумилев)

Рис. 1. Общий вид памятника «Дружба навеки», З.К. Церетели. Источник: <http://mosfo.ru/о-москве/cereteli-sobranie-kartin-skulptur-zuraba-cereteli>

Рис. 2. Зураб Церетели и Андрей Вознесенский. Фото: Юрий Иванов, источник: <https://ria.ru/photolents/20090104/158346280.html>

Сегодня, когда перед Россией стоит непростая задача сохранить свое величие страны многонациональной, о чем мечтает, казалось бы, каждый здравомыслящий человек, но не всякий политик, мы мысленно вновь и вновь возвращаемся к тем памятным событиям, которые спланивали народы на века.

Между Россией и Грузией таким выдающимся событием стало подписание 24 июля (4 августа) 1783 года в Георгиевской крепости на Северном Кавказе «Дружественного договора», или трактата между Россией и Грузией [1, 7]. От имени царя Ираклия II договор подписали князья: Иоанн Мухрам-батони и Гарсеван Чавчавадзе, от имени императрицы Екатерины II – генерал Павел Потемкин. 24 января 1784 года Ираклий II своей подписью скрепил Георгиевский трактат, и он вступил в силу. В документе были перечислены права и обязательства обеих сторон. Царь Картли и Кахети Ираклий II отвергал суверенные права Ирана или какого-либо иного государства на свою страну, признавая отныне над собой лишь верховную власть и покровительство России. С момента подписания договора правительство Картлийско-Кахетинского царства осуществляло свою внешнюю политику, согласуя ее с представителями русского правительства. Все вооруженные силы Картлийско-Кахетинского

царства в случае начала военных действий обязаны были выступить на стороне России. Со своей стороны, русский император принимал Грузию под свое покровительство и брал на себя обязательство оборонять Картлийско-Кахетинское царство от внешних врагов. Русское правительство гарантировало Ираклию полное невмешательство во внутренние дела его царства, обещало также всеми мерами способствовать возвращению Грузии отторгнутых ранее исконных грузинских земель. В соответствии с трактатом два батальона русских войск вступили в Тбилиси 3 ноября 1783 года, а 23 января 1784 года Ираклий II принес присягу на верность русскому императору. За Грузией предоставлялась полная внутренняя самостоятельность.

Серьезным шагом на пути к воплощению в жизнь Георгиевского договора стало строительство в 1783 году Военно-Грузинской дороги между Грузией и Россией, вдоль которой было сооружено несколько укреплений, в том числе крепость Владикавказ (1784).

Природа, окружавшая Военно-Грузинскую дорогу, всегда вызывала чувство восхищения у наших соотечественников. Знаменательно, что в поэзии ее воспел А. С. Пушкин («Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Кавказ») и М. Ю. Лермонтов («Демон», «Тамара», «Мцыри»). А. П. Чехов писал, что «в жизни не видел ничего подобного»; А. М. Горький, направляясь в Тифлис посмотреть «чем люди живут», в 1891 году прошел всю Военно-Грузинскую дорогу пешком с котомкой. Позднее, в 1931 году, Горький сказал о Тифлисе и о своем пребывании в Грузии: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги литератора» [5, с. 414].

Эпическое величие Дарьяльского ущелья, быстрые воды Терека, уникальная световоздушная среда – все это природное богатство вдохновляло на создание пейзажей многих замечательных русских живописцев: В. Ф. Тимма, Г. Г. Гагарина, А. И. Куинджи, И. К. Айвазовского, В. В. Верещагина, И. Н. Занковского, А. И. Мещерского, П. П. Верещагина, Р. Г. Судковского и других. Н. Г. Чернецову виды Кавказа, которые были сделаны с натуры, принесли широкое признание. Свою работу с видом на Дарьяльское ущелье Чернецов подарил Пушкину. В начале XX века изысканные реалистичные иллюстрации к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» были выполнены академиком живописи Е. Е. Лансере; заслугой художника стало создание проекта герба Грузии, который он создал в 1918 году.

За два минувших века Россия участвовала и побеждала во многих войнах, где грузины, по предвидению А. С. Пушкина, «доказали свою храбрость под нашими знаменами...». Верность и преданность, долг перед царем – высшим патроном – эти качества воспитывались в народе веками. Ведь не случайно одним из центральных мотивов руставелевской поэмы «Витязь в тигровой шкуре» является культ рыцарства, также воинской доблести и мужества. Свою кровь на Бородинском поле за Россию пролил «Бог рати» – герой Отечественной войны 1812 года генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион (1765-1812).

Двадцатый век – «Еще бездомней, / Еще страшнее жизни мгла...» – явил своих героев. После революции в 1918 году был утвержден герб Грузии по проекту Е. Е. Лансере, и в 1995 году его с незначительными изменениями утвердили опять.

Мужество грузинского народа в Великой Отечественной войне раскрылось в фильме Резо Чхеидзе «Отец солдата» (1964), романе Лео Киачели «Человек гор» (1948), очерках Александра Чейшвили «Цветы Кахетии» (1946) и многих других произведениях.

В 2015 году к 70-летию Великой Победы гражданский подвиг совершил Григорий Унанович Тепоян. В свои 76 лет он преодолел путь в две тысячи километров из Грузии в Москву, который в Великую Отечественную войну прошел его отец.

Так о многих событиях, наполненных доблестными страницами общей истории Грузии и России, нам зримо и образно напоминает скульптурная композиция Зураба Церетели. И эта летопись пополняется новыми легендарными письменами «Дружбы навеки».

Выбор места для установки монумента не случаен. В Пресненском районе Центрального округа Москвы находятся Большая и Малая Грузинские улицы, Грузинский Вал и Дом-мемориал – образец грузинского поселения в Москве XVII-XVIII веков. Этот район более 300 лет в народе называют «Грузины» или «В Грузинах». Еще при Петре I Приездная слобода была отдана на жительство грузинским царственным особам, попросившим протекции русского царя. Вахтанг VI (1675-1737) прибыл в Россию в 1724 году в сопровождении огромной свиты (в составе около 1400 человек, считая женщин и детей). Дом грузинскому царю Вахтангу Левановичу был выделен по указу Верховного тайного совета в 1729 году, и находился он на нынешней Грузинской площади. При доме был сад, который тянулся до самой реки Пресни. Вокруг были построены деревянные дома для грузин, обслуживающих двор царя Вахтанга VI.

Обосновавшаяся в Москве грузинская диаспора значительно содействовала культурному и политическому сближению с русским народом. Здесь работал над своими произведениями выдающийся гуманист того времени Сулхан Орбелиани (1658-1725), в монашестве принявший имя Саба; творил великий грузинский поэт Давид Гурамишвили (1705-1792), знаменитый своей «Давитиани» («Книгой Давида»); создал капитальный труд «История Грузии» сын Вахтанга VI, царевич Вахушти Багратиони (1696-1757). Да и сам царь Вахтанг VI был личностью незаурядной – дальновидный политик, ученый, поэт, переводчик, просветитель в широком значении этого слова. В своем творчестве он продолжил и развил литературные традиции имеретинского царя Арчила II (1647-1713). В лирических произведениях Вахтанга VI звучит тоска по родине и своему народу, в них отразилась скорбь, вызванная военными и политическими поражениями, и одновременно глубокие патриотические чувства. Из-под пера грузинского царя родились такие поэтические строки: «Как хорош Тбилиси в мае, – в розах весь, как небо в звездах» [2].

Еще до эмиграции Вахтанг VI был инициатором первой типографии в Грузии. Однако особой заслугой Вахтанга VI на литературном поприще является издание под его редакцией поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (впервые напечатана в 1712 году). Из всех редакций поэмы она является канонической и наиболее распространенной, и так и называется «вахтанговская» редакция. Ныне об этом выдающемся литературном произведении напоминает памятник Шота Руставели в сквере на Большой Грузинской улице (скульптор М. И. Бердзенишвили, архитектор И. И. Ловейко).

Свою лепту грузинская диаспора внесла и в градостроительный облик Москвы. Еще в 1750 году на Грузинской (Георгиевской) площади другой сын Вахтанга VI царевич Георгий Вахтангович Багратиони выстроил на свои средства деревянную церковь, которая впоследствии была заменена каменным зданием.

Таким образом, скульптурная композиция Зураба Церетели органично вписалась в исторический контекст Москвы. Академик Олег Швидковский отмечал: «Монумент получил единственно возможную здесь форму высокой вертикали, центрирующей пространство площади и объединяющей разнохарактерную ее застройку. Монумент соразмерен окружающему его пространству, он находится в той пропорциональной гармонии

с размерами площади и ее застройки, которая необходима любому ансамблю для создания ощущения целостности, уравновешенности, единства... Сегодня монумент целиком и в спокойных ракурсах воспринимается со всех сторон площади, из вливающих в нее переулков, что делает его естественным элементом ансамбля, который он сам и сформировал из слабо связанных между собой зданий» [10, с. 179].

Композиция памятника образует восходящую к небу стелу 42-метровой высоты, ее венчает словно парящий золотой венок, сплетенный из колосьев пшеницы и виноградной лозы.

Рис. 3. Зураб Церетели. Верхняя часть монумента «Дружба навеки», посвященный 200-летию подписания Георгиевского трактата. Фрагмент. Тишинская площадь, Москва. Источник: <http://artguide.com/posts/386-zurab-tsereteli-ia-v-politiku-nie-vmieshivaius-dlia-mienia-nie-sushchiestvuiet-plokhoi-pogbody?page=3>

Рис. 4. Зураб Церетели. Верхняя часть монумента «Дружба навеки», посвященный 200-летию подписания Георгиевского трактата. Фрагмент. Тишинская площадь, Москва. Источник: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/gruzija_pod_gnetom_imperii_833.htm

Глубокое духовное родство между Россией и Грузией отражают стихи Вознесенского, вычеканенные в бронзе на одном из свитков у входа в скверик, где установлен монумент:

«Остановись, сегодня, путник,
У древа бессмертной речи.
В ней обнялись Шота и Пушкин,
Их встреча вечна...».

В основу композиции памятника, по замыслу Церетели, положен крест: православная вера помогла грузинскому народу освободиться из-под гнета мусульманских захватчиков, осуществила чаяния Петра I о христианских народах Кавказа «действовать в пользу России».

Со времен подписания Георгиевского трактата великие писатели и поэты России и Грузии славили не только дружбу и братство двух народов, но и передавали свои тонкие душевные переживания, восхищаясь прекрасной Грузией и ее культурой. Все эти чувства Зураб Церетели отразил в «стволе дерева», где мощная, как у старого дуба, «кора» состоит из переплетения воедино древних и новых букв грузинского и русского алфавита, которые выстраиваются по его вертикали в чеканные слова: «мир», «труд», «единство», «братство». При этом монументальные буквы, переплетаясь словно кружево, кажутся невесомыми. Андрей Вознесенский [4] в «Памяти речи» дал такое поэтическое обоснование ажурности:

«Чтоб птицы летели
в скворечники речи,
сквозь тысячелетья
на крест в поперечнике...».

И при этом поэт угадал многоплановость смыслов в трактовке произведения Зураба Церетели:

«А может быть, это
в руке у Вечности
чуть-чуть покачивается
подсвечник...».

У подножья монумента расположены трехметровые бронзовые с эмалью листы – свитки, украшенные традиционным русским и грузинским орнаментом.

*Рис. 5. Свитки.
Зураб Церетели. Монумент
«Дружба навеки», посвященный
200-летию подписания
Георгиевского трактата.
Фрагмент. Тишинская площадь,
Москва. Источник:
http://www.etovidel.net/sights/city/moscow/id/monument_drujba_naveki*

На листах и рядом с ними, по замыслу Церетели, изображены бронзовые подсвечники как символ бескорыстного служения делу, созидания и освобождения; словесные ветки олицетворяют чудеса; ветви благородного лавра – славу, победу и мир; виноградная лоза – общепринятый символ Христа и христианской веры, кроме того – это символ виноградарства и виноделия в Грузии; гусиные перья для писем олицетворяют свободное творчество, поэзию. К сожалению, многое из этих деталей скульптурной композиции в настоящее время утрачено.

На самих шестнадцати свитках высечены высказывания выдающихся деятелей русской и грузинской культуры: Шота Руставели и Александра Пушкина, Михаила Лермонтова и Важа

Пшавела, Акакия Церетели и Ильи Чавчавадзе, Якоба Гогешвили и Нико Николадзе, Владимира Маяковского и Галактиона Табидзе, Ильи Репина и Милия Балакирева, Александра Одоевского и Якова Полонского, Максима Горького и Сергея Есенина, Павла Антокольского и Алексея Толстого, Виссариона Белинского и Бориса Пастернака, Константина Симонова и Николая Тихонова, повествующие о многовековой дружбе, которая связывает Россию и Грузию.

«Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты», – отмечал Николай Тихонов. В 1948 году в стихотворении «Радуга в Сагурамо» поэт выразил свои чувства к Грузии:

«А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилось тело.
И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей».

«Волшебным краем» назвал этот город Пушкин, который был до глубины души взволнован приемом, который оказали ему в Тбилиси. Поэт писал: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым» [3]. Михаил Лермонтов, сосланный на Кавказ, посвятил Грузии свои поэмы «Демон» и «Мцыри», где из-под его пера родились такие волшебные строки:

«И Божья благодать
сошла на Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков».

Не менее поэтичны и проникновенны слова писателя-декабриста А. Одоевского:

«Дева черноглазая! Дева чернобровая!
Грузия! Дочь и зари, и огня!
Страсть и нега томная, прелесть вечно новая
Дышат в тебе, сожигая меня!».

В Грузии, в селе Багдади, родился Владимир Маяковский:

«Только
нога
стушила в Кавказ,
я вспомнил,
что я –
грузин».

На родине у поэта было много грузинских друзей. Владимир Маяковский никогда не забывал об этом и писал:

«Я
в долгу...
перед вами,
багдадские небеса...».

Но, наверное, самыми проникновенными стали строки Маяковского из стихотворения «Владикавказ – Тифлис»:

«Я знаю:
глупость – эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты...».

Творчество современника Маяковского Сергея Есенина в краю, где в обилии цветут розы, гранатовые деревья и вечнозеленый лавр, а под усыпанными звездами, словно алмазами, небесами шумит синее море, было столь плодотворно, что за двенадцать дней своего пребывания в Грузии Есенин создал целый ряд прекрасных произведений. Поэтому многие мемуаристы уверены, что он пробыл в Грузии не двенадцать дней, а двенадцать месяцев. Как известно, Есенин был близким другом молодого грузинского поэта Тициана Табидзе (1895-1937). Ему и еще двум братьям по перу Паоло Яшвили (1895-1937) и Георгию Леонидзе (1899-1966) из литературного объединения «Голубые роги» он написал свои строки-посвящение:

«Поэты Грузии!
Я нынче вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах...».

Манделштам написал о Сакартвело несколько стихотворений, первые из которых были написаны в 1916 году, когда поэт еще не успел побывать в этом удивительном крае. Когда же он оказался в Тифлисе, увиденное превзошло все ожидания:

«Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит...».

В 1921 году в статье «Кое-что о грузинском искусстве» Мандельштам проанализировал влияние грузинской культуры на отечественную поэзию: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа и история этого народа. Грузинский эрос – вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить. Ее старое искусство, мастерство ее зодчих, живописцев, поэтов, проникнуто утонченной любовью и героической нежностью» [8].

Тонким художественным чутьем Мандельштам угадывал мощное влияние античности на культуру Грузии, при этом он подчеркивал ее своеобразие: «Сущность грузинского искусства всегда была в обращенности Грузии к Востоку, причем Грузия никогда не сливалась с Востоком, была отдельно от него.

Я бы причислил грузинскую культуру к типу культур орнаментальных. Окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают в себя главным образом его узор, в то же время ожесточенно сопротивляясь внутренне враждебной сути могущественных соседних областей» [8].

В поэзии эти мысли звучат еще глубже:
«Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный».

Как и Есенин, Мандельштам подружился с пиитами Грузии, в частности, перевел поэму Важа Пшавела «Гоготур и Апшина».

С юности мечтала о Грузии Марина Цветаева. Трогательной печалью наполнены ее строки, посвященные грузинской княжне Нине Джаваху, «погибшей жертвой чуждого севера» (П. Перцов):

«Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!..».

Цветаева также занималась переводом грузинской поэзии, в том числе «Старинной были» Важа Пшавела, как сам автор ее назвал, где звучат слова молитвы:

«Буди милостив, Георгий,
К верной Грузии своей!
Чтобы не было под небом
Края – Грузии славней!..».

Золотому Светицховели (кафедральный собор в Мцхете, построенный в 1010-1029 гг., где находится Хитон Спасителя) посвящены строки Беллы Ахмадулиной:

«Ни о чем я не жалею,
ничего я не хочу,

в золотом Свети-Цховели
ставлю бедную свечу.
Малым камушкам во Мцхета
Воздаю хвалу и честь.
Господи, пусть будет это
Вечно так, как ныне есть».

Именно в Светицховели похоронен царь Ираклий II, подписавший Георгиевский трактат о покровительстве России над Грузией.

Однако не только поэты и писатели, многие выдающиеся живописцы восхищались Грузией. Разве не о Зурабе Церетели сказаны пророческие слова Ильи Репина, что «это чудовищно прекрасная страна даст художников, достойных ее воспроизведения в искусстве»?!

Но заслугой скульптора стало не только создание грандиозного монумента, в котором отразилась любовь к своей родине, но и включение в контекст «древа бессмертной речи» запрещенного в стране Бориса Пастернака. Ведь именно Тифлис стал для гонимого поэта убежищем, местом, где к нему вернулась, как он говорил, «вера в здоровое человеческое начало». Знакомство с грузинской интеллигенцией, красота и тишина благодатного края – все это стало для поэта новым источником вдохновения. С начала 1930-х годов Пастернак часто бывал в Грузии. Его переводы грузинской классической поэзии содействовали изданию на русском языке монументальной антологии поэзии, начиная с V века.

Пастернак посвятил Грузии лирические строки в поэме «Волны»:

«Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдом возьмем подножьем,
И мы получим этот край...».
Очень живописно поэт описывал Тифлис:
«Я видел, чем Тифлис
Удержан по откосам,
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом.
Он был во весь отвес,
Как книга с фронтисписом,
На языке чудес
Кистями слив исписан...».

Зураб Константинович поделился своими воспоминаниями, связанными с именем запрещенного поэта: «Когда я включил Пастернака, и Гришин пошел утверждать список поэтов в Правительство, Суслов зачеркнул Пастернака. Я все же вычеканил его стихи на свитке и отдельно положил, включив в композицию. Когда члены Правительства пришли на открытие и стали проходить около этого свитка, я сказал, что соединил в одном венке вместе виноградную лозу и пшеницу. Все подняли голову вверх, и прошли мимо свитка. Вы даже не можете себе представить, как меня благодарил за Пастернака интеллигенция! Сколько мне прислали благодарственных писем! А после открытия мы провели творческий вечер, и Андрей Вознесенский читал стихи Пастернака» (записано со слов З. К. Церетели 12 декабря 2007 года).

В свою очередь выдающиеся поэты и писатели Грузии прославляли в своем творчестве нерасторжимое единство между народами. Так, на постаменте у подножья монумента лежат внушительных объемов фолианты – книги из металла и бронзы, на раскрытых страницах которых вычеканены цитаты из грузинской поэзии.

Глубокий смысл заложен в строках Симона Чиковани (1902/1903-1966), признанного мастера напряженно-психологической лирики, написанные им в 1941 году:

«Грузин и русский – два собрата!
Единый меч, сердца одни...».

А вот слова Галактиона Табидзе (1892-1959):

«Какое счастье,
Что возник такой союз сердец».

Князя Акакия Церетели (1840-1915) называют соловьем грузинской поэзии, не случайно его стихотворение «Сулико» переведено на многие языки мира. Сакартвело Акакий Церетели посвятил патриотические строки:

«О, Родина, очнись
Взгляни вперед без страха.
Беспамятство пройдет –
Ты не добыча праха!».

Однако, по словам Зураба Церетели, когда он создавал свой памятник, он думал не только о дружбе между народами, но и «глубокой, настоящей любви» писателя и дипломата Александра Грибоедова и грузинской княжны Нины Чавчавадзе.

У подножья монумента дано поэтическое выражение чувств и мыслей отца Нины, князя Александра Чавчавадзе (1786-1846):

«Став гордым теменем – понтийских волн пределом
И в Каспий врезавшись своим прекрасным телом,
Суровый Голиаф меж двух морей возник, –
Кавказ, величием исполненный тайник!..».

И замыкает круговой обзор композиции два больших листа, на которых вычеканены на грузинском и русском языках слова текста из Георгиевского трактата, заканчивающегося так:

Сей договор делается
На вечные времена.
1783 г.

Тему многовековых отношений между Грузией и Россией Зураб Церетели развивает и в других своих произведениях. Памятник «Дружба навеки» являлся «парным»: в Тбилиси был установлен памятник «Узы дружбы» (1983) у выезда на Военно-Грузинскую дорогу, ведущую в Россию. На создание этого монумента Церетели вдохновила история любви Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Скульптурная композиция была задумана как

символ соединения судеб грузинского и русского народов, она представляла собой огромный металлический позолоченный узел, связывающий два кольца; внутри был подвешен металлический свиток с текстом Георгиевского трактата. Памятник «Узы дружбы» был взорван в 1991 году по распоряжению правительства Грузии.

В конце XX – начале XXI века у России и Грузии сложились непростые политические отношения. Но хочется верить в их возрождение, подобное тому, как у исполина – дуба есть период, когда он по несколько лет может стоять, словно уснувшее старое дерево. И вдруг, в одну весну... как у Льва Толстого в «Войне и мире»: «Старый дуб, весь преобразенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах весеннего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя, – ничего не было видно. Сквозь жесткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их» [9].

В заключение статьи хотелось бы привести слова Зураба Церетели, которые он сказал о своем «дерево бессмертной речи»: «Посмотрите на мои буквы на Тишинской площади. Там все сказано... У высокого искусства нет национальности!» [6, с. 309].

Аллегория «старого дерева», которая может быть отнесена и к нашей теме, тонко раскрылась в строфах современного поэта и ученого Михаила Владимировича Голицына, в его заветном послании нынешним и грядущим поколениям:

«Берегите дерево, о люди!
Ведь в его морщинистой коре,
Словно в зеркале веков мы будем
Каждый с тем, что сделал на земле...».

Литература

1. Андрионикашвили Б.Б. Надежда питомцы золотых. – М.: Мысль, 1992. – 304 с.
2. Барамидзе А. Г. Грузинская литература [XVIII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983-1994. – Т. 5. – 1988. – С. 505-513.
3. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Путешествие в Арзрум. (Май-сентябрь 1829) [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/vikentiy-veresaev/pushkin-v-zhizni/chitat-onlayn/page-3/> (дата обращения 01.07.2017).
4. Вознесенский А. Зодчие речи // Правда, 1983. – 22 с.
5. Горький М. Собрание сочинений. В 25 тт. М., 1949-1952. – Т. 15. – С.414.
6. Колодный Л. Сердце на палитре. Художник Зураб Церетели. – М., 2010. – С. 309.
7. Мачарадзе В.С. Георгиевский трактат. Исследования, документы, фотокопии. – Тбилиси, 1983. – 189 с.
8. Советский юг (Ростов-на-Дону). – 1922, 19 января
9. Толстой Л.Н. Война и мир. – М.: Эксмо, 2004. – 928 с. – Том 2, часть 3.
10. Швидковский О. А. Зураб Церетели. – М., 1994. – С. 179.

Статья поступила в редакцию 12.07.2017 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.007

THE MONUMENT BY ZURAB TSERETELI «FRIENDSHIP FOREVER»: THE WORD IMPRINTED IN BRONZE

Rzhevskaya Elena Aleksandrovna
Scientific secretary of the Scientific and organizational department for the coordination of programs of fundamental scientific research and innovative projects of the Russian Academy of Arts.
Russia Moscow.

Abstract

The article is dedicated to the monument of Friendship, it has been installed of the bicentennial of Treaty of Georgievsk of 1783, a treaty under which Eastern Georgia 200 hundred years ago joined Russia.

Keywords: the Treaty of Georgiyevsk, Georgia joined Russia, the monument of Friendship, the sculptor Zurab Tzereteli, Peace, Labour, Unity, Brotherhood, Friendship, Georgian and Russian poets.

Bibliographic description for citation:

Rzhevskaya E. A. The monument by Zurab Tsereteli "Friendship forever": the word imprinted in bronze. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2017, No 2(5), pp. 82-94. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.007. Available at: <https://readymag.com/u50070366/726372/16/> (In Russian).

References

1. Andronikashvili B.B. *Nadezhd pitomtsy zolotykh* [Fosterlings of golden hopes]. Moscow, Mysl Publ., 1992, 304 p.
2. Baramidze A. G. *Gruzinskaya literatura (XVIII v.)* [Georgian Literature (XVIII century)]. *Istoriya vsemirnoi literatury: V 8 tomakh* [History of World Literature: In 8 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1983-1994, vol. 5, 1988, pp. 505-513.
3. Veresaev V.V. Pushkin in life. Travel to Arzrum. (May-September 1829). Available at: <https://www.litres.ru/vikentiy-veresaev/pushkin-v-zhizni/chitat-onlayn/page-3/> (accessed 01.07.2017) (In Russian).
4. Voznesensky A. *Zodchie rechi* [The architects of speech]. *Pravda – The truth*, 1983.
5. Gorky M. *Sobranie sochinenii. V 25 tt.* [Collected Works. In 25 vols.]. Moscow, 1949-1952, vol. 15.
6. Kolodny L. *Serditse na palitre. Khudozhnik Zurab Tsereteli* [Heart in the palette. Artist Zurab Tsereteli]. Moscow, 2010.
7. Macharadze V.S. *Georgievskii traktat. Issledovaniya, dokumenty, fotokopii* [The Treaty of Georgievsk. Research, documents, photocopies]. Tbilisi, 1983, 189 p.
8. *Sovetskii yug (Rostov-na-Donu) – Soviet South (Rostov-on-don)*, 1922, January 19.
9. Tolstoy L.N. *Voyna i mir* [War and peace]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 928 p., vol. 2, part 3.
10. Shvidkovsky O. A. *Zurab Tsereteli* [Zurab Tsereteli]. Moscow, 1994.

Received: July 12, 2017